

DOI 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-144-152

УДК 316.47

Ольга Павловна Слепухина

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0003-3484-2612

E-mail: olya2s2s@mail.ru

Этнополитическая идентификация в социальных медиа на Юге Аравии

АННОТАЦИЯ. Объединение Йемена 22 мая 1990 г. было встречено в стране с радостью и надеждой на совместное развитие, однако вскоре настроения в йеменских регионах изменились и начался быстрый процесс поляризации региональной идентичности. В статье рассматривается, как изменения в этнополитической идентичности жителей Южной Аравии проявляются на лексическом уровне, анализируется использование групповых обозначений йеменскими пользователями социальных медиа. Выбирая то или иное слово, пользователь заявляет о своей политической позиции и получает поддержку и одобрение от тех, кто разделяет его взгляды, что укрепляет чувство принадлежности к определенной группе. В процессе идентификации не происходит четкого разделения между этнонимами и политонимами. В одну и ту же лексему пользователи могут вкладывать разное значение. В самоназваниях важную роль играет обозначение региона происхождения говорящего, в то время как рассмотренные пейоративы опираются на попытку высмеять и принизить интеллектуальные способности оппонента, его происхождение, а также политические связи и лояльность. Внимание к выбору пользователями того или иного термина позволяет детальнее разобраться с местным этнополитическим дискурсом. Так, политическая ситуация в Йемене часто представляется в упрощенном виде: основной фокус направлен на конфликт между Севером и Югом. Анализ разнообразия коллективных названий помогает избежать обобщений при исследовании локальных идентичностей и учесть процессы, протекающие за пределами Саны и Адена.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Йемен, Южная Аравия, Южный Йемен, этнополитическая идентичность, этнонимы, социальные медиа

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Слепухина О. П. Этнополитическая идентификация в социальных медиа на Юге Аравии. *Кунсткамера*. 2023. 2(20): 144–152. doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-144-152

Olga Slepukhina

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian
Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3484-2612
E-mail: olya2s2s@mail.ru

Ethnopolitical Identification in Social Media in South Arabia

ABSTRACT. The unification of Yemen on May 22, 1990 was greeted with hope for joint development, however, soon the mood in Yemeni regions changed, and identity polarization rapidly overtook the country. The article examines how changes in ethnopolitical identity are manifested at the lexical level, and analyzes the use of self-designations and pejoratives by Yemeni social media users. Choosing a designation term, the user shows his attitude to the political situation in the country and receives support from those who share his views, which strengthens the feeling of belonging to a particular group. The same lexeme, when used by different users, can have a different meaning. In self-names, the speaker's region of origin plays an important role, while the pejoratives are based on an attempt to ridicule the opponent's intellectual abilities, his origin, political connections and loyalties. Attention to the choice of one or another term allows a more detailed understanding of the local ethno-political discourse. The conflict between North and South gets most attention and distracts from the processes outside of Sana'a and Aden, but the variety of collective names enables the researcher to resist the temptation of generalization that arises in the study of local identities.

KEYWORDS: Yemen, South Arabia, South Yemen, ethnopolitical identity, ethnonyms, social media

FOR CITATION: Slepukhina O. Ethnopolitical Identification on Social Media in South Arabia. *Kunstkamera*. 2023. 2(20): 144–152. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-144-152

ВВЕДЕНИЕ

Британский историк и антрополог П. Дрэш в 1993 г. писал, что если до 1990 г. Северный Йемен представлял собой «уже нацию, но еще не государство», а Южный Йемен был государством, наличие нации в котором вызывало сомнения, то с объединением в 1990 г. йеменцы, откуда бы они ни были, точно знали, что теперь живут в настоящем национальном государстве. «Как бы ни критиковалось правительство, существование нации, которую оно должно представлять, не ставится под вопрос» (Dresch 1993: 67).

Официальное объединение Йеменской Арабской Республики и Народной Демократической Республики Йемен произошло 22 мая 1990 г., и действительно, в начале 1990-х гг. жители молодой Йеменской Республики с гордостью называли себя «йеменцами»¹. Тем не менее высокий уровень инфляции, неэффективное распределение бюджетных средств, централизация государственного аппарата в Санае и как следствие маргинализация южных административных органов закономерно вызывали недовольство у населения Юга (Dahlgren 2010: 50), поэтому довольно быстро йеменский национализм потерял свои позиции в южных провинциях и уступил место стремлению южан вернуть себе политическую независимость от Саны.

Сегодня южане называют создание единого государства «провалившимся объединением» (*al-wahda al-fāshila*). Один из пользователей TikTok шутит в своем видео, намекая на иллюзорность йеменского единства: «Если удалят Facebook, Twitter и TikTok, где северяне будут защищать единый Йемен?»². Согласно замечанию британского арабиста Н. Бреони, «основным результатом объединения стало не ослабление, а укрепление южной идентичности» (Brehony 2014).

Однако мы ставим целью не проанализировать подробно причины и последствия событий, вновь разделивших страну³, а описать один из аспектов этого кризиса — проявление конфликта идентичностей в выборе названий этнополитических групп йеменскими пользователями социальных медиа.

В рамках статьи проанализирован материал, полученный в Facebook⁴, Twitter и TikTok в ходе этнографического исследования: текстовые публикации, текстово-визуальный контент (картинки и видео с надписями), а также комментарии. Первичный поиск материала осуществлялся по хештегам и ключевым словам. В случае с TikTok это сыграло роль «настройки алгоритма», который через некоторое время автоматически стал предлагать к просмотру контент южноаравийских пользователей. На момент написания статьи автор был подписан на более чем 200 таких аккаунтов. В Facebook наблюдение продолжилось в локальных сообществах (*Bi-l-‘adanī ahlā, Akbar tajammu‘ shabābī li-abnā’ al-janūb al-‘arabī, Al-janūb al-‘arabī thawrat al-istiqlāl, Ahrār ḥaḍramawt, Multaqā abnā’ al-janūb al-‘arabī, al-mahra al-yamanīyya, Aden_Tgm3na (‘adan tajma‘una), A‘shaqu-l-yaman, Akhbār al-janūb al-yawm ‘ājil, Ḥaḍramawt tajma‘una min bāb al-mandab ilā-l-mahra*).

Социальные медиа помогают поддерживать «значимость и жизнеспособность [социальных] групп» (Miller et al. 2016: 21), создавая пространство, где воображаемые сообщества могут почувствовать себя реальными. Важную роль в этом играют слова, с помощью которых происходит идентификация себя и другого. Так, через групповые именованья выражается этнополитическая и этнокультурная дифференциация, при этом они не являются чем-то постоянным и могут менять свое значение в разных контекстах (Kommer et al. 2018: 18–20). Опираясь на эти положения, мы попытаемся ответить, как йеменские интернет-пользователи называют себя и своих сограждан из разных регионов, почему используются именно эти слова и какую роль они играют в повседневной коммуникации и в конструировании локальной этнополитической и этнокультурной идентичности.

¹ Идеи создания единого Йемена существовали и ранее, в частности во время антибританской борьбы в 1960-е гг., затем предпринимались попытки переговоров о потенциальном объединении в 1970-е. К концу 1980-х в условиях меняющегося политического и экономического климата идея единства вновь обрела популярность. Подробнее о развитии йеменской политической жизни в XX в. см., например: (Brehony 2014; Halliday 1990; Dresch 2000).

² Имя TikTok-аккаунта @2eou. На момент публикации статьи аккаунт удален, но видео сохранено автором статьи.

³ О политических аспектах йеменского кризиса см., например, раздел С. Н. Сереброва «Борьба за влияние в Йемене: экономика и геополитика» в: (Матвеев, Серебров, Хлебников 2022: 64–70).

⁴ Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

СЕВЕР И ЮГ

Как уже было сказано во введении, одна из основных линий внутреннего конфликта проходит по границе, до 1990 г. разделявшей страну на Южный и Северный Йемен, что отражается и в выборе лексики пользователей соцмедиа при обращении друг к другу.

Так, жители Северного Йемена чаще всего называют себя *yamanī* («йеменец», встречается также вариант *yamānī*), при этом то же самоназвание используют жители Южного Йемена, которые поддерживают сохранение единого государства. Однако жители Юга, отстаивающие идею создания независимого государства, говорят о себе *janūbī* («южанин, южный»), а место своего проживания называют *al-janūb al-'arabī* («Арабский Юг»), не признавая себя «йеменцами».

Кроме перечисленных самоназваний, жители разных регионов используют в отношении друг друга пейоративы — слова, которые имеют экспрессивную негативную оценку, выражают насмешку, иронию или презрение. Так, жители г. Аден (бывшей столицы Народной Республики Южного Йемена), говоря о северных соседях, вероятнее всего назовут их словом *dahbāshī*. Оно образовано от имени главного героя йеменского телевизионного сериала «История Дахбаша» *Hikāyat Dahbāsh*¹, который выходил в начале 1990-х. Дахбаш в сериале — карикатурный персонаж, ставший символом бестолкового и плохо образованного человека, каковым и является в представлении аденцев типичный житель Северного Йемена. Аденцы высмеивают культурную отсталость Северного Йемена и противопоставляют невежеству северян свою образованность и «цивизованность». Использование слова *dahbāshī* вызывает возмущение у северян, однако параллельно с этим в соцсетях можно проследить стремление избавиться это слово от негативной коннотации. Так, приобрели популярность хештег «*Dahbāshī*, и горжусь [этим]» (*Dahbāshī wa aftakhir*) и подпись к видео в TikTok «*Dahbāshī*, и кто ненавидит, пусть ненавидит», а в комментариях нередко можно встретить людей, которые доказывают, что «*'dahbāshī'* — это не обидно».

В отношении южан также используется этнофолизм *ja 'arabī*. Хотя слова, от которых образован этот неологизм (*janūbī* — «южный» и *'arabī* — «арабский»), не несут в себе отрицательного подтекста, северяне активно используют его в соцсетях с насмешкой и оттенком пренебрежения. Приведем одно из определений *ja 'arabī*: «*Ja 'arabī* — существо, которое ругается, бранится и любит рабство. Неудачник, но возлагает ответственность за свои неудачи на других. Верит, что весь мир, кроме Эмиратов, ему враг» (Manṣūr 2018). При этом, как и северяне, которые пытаются изменить коннотацию слова *dahbāshī*, южане пишут в постах и комментариях: «*Ja 'arabī*, и горжусь [этим]», показывая, что их не задевают насмешки соседей.

Стоит отметить, что, в отличие от прозвища *dahbāshī*, появившегося еще в 1990-е гг. и до сих пор сохраняющего свою популярность среди южан, неологизм *ja 'arabī* начал активно использоваться в соцмедиа лишь в последние 5–6 лет. До этого северяне также изобретали оскорбительные прозвища для южан, но ни одно из них не получило такого широкого распространения, как *dahbāshī*.

В одном из твитов² мы видим, как южане высмеивают большое количество названий, которые использовали в отношении них северяне, и ни одно из них не задержалось надолго, в то время как прозвище *dahbāshī* используется уже почти 30 лет: «Последовательность названий от *dahbāshī* для народа Юга: 1990 — марксисты, 1994 — коммунисты, 2007 — иранцы, 2008 — индийцы, 2009 — сомалийцы, 2010 — эфиопы, 2015 — игиловцы (*dawā'ish*), 2018 — *ja 'ariba*, 2019 — обезьяны, 2020 — евреи. (...) так и не придумали [нам] название, которое бы закрепилось, а они по-прежнему *dahābisha* и будут *dahābisha* до самой смерти». Таким образом, «неустойчивость» этнофолизмов становится поводом для насмешек. Те, кто нашел более точные слова, те, чья метафора оказалась наиболее устойчивой, чувствуют свое превосходство. По мнению южан, северяне «проигрывают» им в словесном поединке, и, хотя в данном случае речь идет лишь об

¹ Hikāyat Dahbāsh. al-Ḥalaqa al-Ulā («История Дахбаша»), 1-я серия, видео из YouTube, 35:48, загружено idreess1, 6 февраля, 2015. URL: <https://youtu.be/0LZcikXn2A8> (дата обращения: 02.02.2023).

² Kīfī (@leess). 22 Jun 2020, 15:55. Tweet. URL: <https://twitter.com/4leess/status/1275049760060211205> (дата обращения: 24.08.2022).

отдельных словах, кажется, что можно провести параллель с поэтическими поединками, которые традиционно занимали важное место в социальной жизни жителей Южной Аравии.

Во-первых, поэт должен обладать даром импровизации (*irtijāl*), и «поэзия... актуализируется в процессе импровизации, диалога-соствязания, социальной репрезентации» (Родионов 2009: 45). Насколько «удачен» выбор этнофолизма, тоже проверяется в процессе социальной репрезентации: чем он окажется остроумнее и точнее и чем обиднее для группы, на которую нацелен, тем более употребительным он станет. Поэтому выбор слова столь же важен, как и при стихосложении.

Кроме того, одной из основных функций поэзии, используемой в повседневной практике йеменскими племенами, считается коммуникативная: «Действительно, племенной клич служит для идентификации, сплочения своих и отграничения от чужих, т. е. и для притяжения, и для отталкивания» (Родионов 2009: 46). Схожей представляется ситуация с этнофолизмами: употребляя определенные прозвища, пользователь тем самым заявляет о своих взглядах и оказывается вовлечен в двойную коммуникацию. С одной стороны, использование этнофолизмов направлено на оскорбление оппонентов, а с другой — пользователь получает поддержку и одобрение от тех, кто разделяет его взгляды, что укрепляет чувство принадлежности к определенной группе. И здесь использование этнонимов и политонимов можно трактовать как фатический коммуникативный акт. Б. Малиновский обозначал фатическое общение как «тип речи, в которой узы общности устанавливаются благодаря простому обмену словами. (...) Они [слова] выполняют социальную функцию, что и является их главной задачей, они не представляют собой результат интеллектуальной рефлексии, а также необязательно вызывают такую рефлексию у собеседника. (...) язык в таком случае не функционирует как инструмент передачи мысли» (Malinowski 1923: 315). Таким образом, стигматизируя какую-то группу, этнофолизмы сближают членов группы, ей противостоящей, в то время как выражение солидарности — это способ справиться со страхом в условиях постоянной незащищенности и опасности (Augustin 2018: 7).

Но при этом, даже когда пользователь не вкладывает осознанно в свой комментарий или подпись к видео какого-то конкретного информационного сообщения, делая выбор в пользу одного из этнонимов, он показывает свое отношение к политической ситуации в стране, что позволяет исследователям сделать предварительный вывод о его этнополитической идентичности и может помочь при дальнейшем анализе контента, в котором эти этнонимы появляются.

Однако возможен и обратный анализ: по контексту использования этнонима или политонима можно проследить отношение к группам, чье название используется. В этом плане интересен момент с использованием политонимов соседних стран в качестве оскорблений. Так произошло со словами «эмиратец», «саудовец», «катарец», «иранец»: первые два слова иногда пишут северяне вместе с уже упоминавшимся оскорблением *ja 'arabī*, вторые два используют южане в отношении северян. Такое разделение объясняется распределением политических сил в регионе и тем, какие страны оказывают поддержку той или иной стороне конфликта¹.

В то же время не всегда использование этнонимов в качестве пейоративов значит негативное отношение к группам, чье название используется. Так, северяне нередко шутят над южанами, называя тех «индийцами» и «эфиопами»² и намекая тем самым на исторические связи Юга с упомянутыми регионами: географическое соседство Эфиопии и Южной Аравии предопределило их взаимовлияние, а тесные связи с Индией установились из-за общей британской колониальной администрации: Аден был единственной территорией в арабском мире, которая подчинялась Бомбейскому президентству (Willis 2009: 24).

В 1869 г. с открытием Суэцкого канала значение Адена резко возросло, поэтому в Аден стало приезжать все больше иностранцев, в частности индийцев. К 1890 г. арабы составляли лишь

¹ О влиянии Ирана и арабских стран Персидского Залива на Йемен см., например: (Бокор 2017; Bonnefoy 2018; Salisbury 2018).

² Африканское происхождение традиционно имело в глазах жителей Аравии более низкий статус. Так, йеменский историк Х в. ал-Хамдани был не согласен с Птолемеем, назвавшим климатический регион, в который вошла и Южная Аравия, эфиопским (*al-habasha*). Единая климатическая зона подразумевает, что жители Южной Аравии подвержены влиянию тех же природных условий, а следовательно, имеют общие характеристики с эфиопами (Kommer et al. 2018: 20).

половину населения города, а в первой трети XX в. индийцы и британцы преобладали в аденской администрации к недовольству националистов, которые говорили: «Араб в своей собственной стране оставлен не у дел» (Dresch 2000: 58).

Однако сегодня использование слов «индиец» или «эфиоп» с целью оскорбить совсем не обязательно подразумевает негативное восприятие Индии или Эфиопии, как в случае с Ираном или Саудовской Аравией, а скорее представляет собой попытку поставить под вопрос «арабскость» оппонента, как, например, в шутке: «Иду ругаться с южными сепаратистами. Беру с собой индийского переводчика, чтобы переводил, что те говорят»¹. Популярность видео и комментариев о том, что именно Южная Аравия — родина всех арабов (*asl al-'arab*) подтверждает, что традиционно важный для региона вопрос о происхождении и генеалогиях² остается таковым, обретая в соц-медиа новую форму.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Отдельно стоит отметить, что есть этнофолизмы, которые северяне используют в отношении жителей каких-то конкретных районов Юга. Например, *ḍāfi ṭ* — это аббревиатура, полученная путем сложения лексем *ḍāli ṭ*, образованной от топонима эд-Дали', и *yāfi ṭ* — йафиит, образованной от слова «Йафи'», которое обозначает одновременно и группу племен, и название района, которое с древности населяла эта группа (Суворов 2003: 10).

Это название, образованное из нейтральных лексем, также получило негативную коннотацию. Оно используется чаще всего в контексте обвинений в наемничестве, будь то на службе у Британии в XX в. или у Эмиратов сейчас, либо же в контенте, который подчеркивает глупость и бесчестность выходцев из Йафи' и эд-Дали'.

«Срединным районам» (*manātiq al-wasaṭ*), то есть регионам, расположенным недалеко от границы, разделявшей Йемен на Север и Юг, а именно провинциям Таизз, Ибб, Эль-Бейда и Мариб, «не повезло» больше всего: из-за пограничного географического положения сложилась ситуация, когда ни северяне, ни южане не считают жителей этих провинций «своими». Йеменский журналист из провинции Ибб Мухаммад ал-Кадири пишет: «Этот регион не считается ни санаанским, ни аденским, потому что жители Саны считают его близким к Югу, а жители Адена считают его близким к Сане» (Al-Qādirī 2019). Аденцы называют выходцев из этого региона *daḥābisha*, а «в Сане считают их *laghāligha*, как и всех южан», — добавляет ал-Кадири. *Laghāligha* — пейоратив, образованный северянами от слова *laghlagha*, которое означает «тарабарщина, бессвязная речь»³. Используя его, северяне иронизируют над речью соседей и намекают на то, что диалект южан очень трудно разобрать. Между диалектами Севера и Юга, безусловно, есть различия, однако по большей части они взаимопонятны. Поэтому использование оскорбления, намекающего на непонятность речи, — еще один способ подвергнуть сомнению *арабскость* жителей южных провинций.

Восточные провинции, Хадрамаут и Махра, до 1990 г. входили в состав Южного Йемена, поэтому те, кто поддерживает сегодня создание отдельного государства со столицей в Адене, называют жителей этих провинций так же, как и всех южан, *janūbī*. Северяне и сторонники единого Йемена используют в отношении них этноним *yamanī*, при этом пейоративов для обозначения именно жителей Махры и Хадрамаута за период исследования не было встречено, а общие негативные обозначения южан редко направлены на восточные провинции.

Однако хотя некоторые жители этих провинций иногда используют, говоря о себе, слова *janūbī* или *yamanī*, в зависимости от политических взглядов, гораздо чаще встречаются локальные этнонимы *ḥaḍramī* (хадрамиец) и *mahrī* (махриец), употребляя которые, пользователи подчеркивают свою обособленность от Саны и Адена.

¹ Имя TikTok-аккаунта @ox4i. На момент публикации статьи аккаунт удален, но видео сохранено автором статьи.

² О конструировании мусульманских генеалогий см., например: (Szombathy 2002; Rodionov 2011).

³ URL: <https://www.maajim.com/dictionary/%D9%84%D8%BA%D9%84%D8%BA%D8%A9> (дата обращения: 28.08.2022).

Хотя в 2000-е гг. хадрамайцы в целом разделяли мысли об отделении Юга, постепенно идея создания независимого государства в Хадрамауте стала казаться им более привлекательной. Эта «реконструкция» хадрамайской идентичности, по мнению британского исследователя И. Уокера, состоит из трех элементов: восприятие Адена и соседних южных провинций как принадлежащих к Йемену в культурном отношении и, следовательно, более похожих на Север; несогласие с притязаниями Юга на Хадрамаут, которое объясняется тем, что хадрамайские султанаты были включены в состав Южного Йемена в 1967 г. незаконно¹, и наконец, выдвижение на первый план уникальности хадрамайской культуры (Walker 2015: 53–54).

Жителей всех районов Хадрамаута объединяют общие представления о родине и наследии древней цивилизации, оставившей следы былого великолепия, их предки участвовали в распространении ислама, а их родину посещали пророки, что нашло отражение в коранических преданиях и локальной истории (Voxberger 2002: 17; Родионов 2014: 21–24).

Жители Махры еще меньше ассоциируют себя с Саной и Аденом. Среди ряда причин можно выделить географическую удаленность от упомянутых выше административных центров, слабость общего с ними историко-культурного нарратива, который позволял бы поддерживать коллективную идентичность, а также лингвистические особенности: хотя, как и в других регионах Йемена, официальный язык здесь арабский, в качестве разговорного продолжает использоваться местный язык махри. Британская арабистка-политолог Э. Кендалл приводит следующую статистику: всего 9 % населения Махры хочет быть частью единого Йемена, 13 % — Южного Йемена со столицей в Адене. Подавляющее большинство (72 %) поддерживает отделение Махры и создание независимого государства (Kendall 2018: 72). В Махре социальные медиа распространены меньше, чем в соседнем Хадрамауте. Так, в 2013 г. только 3 % населения имели доступ к интернету (Kendall 2018: 71). К 2021 г. количество интернет-пользователей выросло, но сложно оценить, насколько именно — официальной государственной статистики по этому вопросу нет. Тем не менее в целом с использованием этнонимов ситуация здесь сложилась похожая, только самоназвание *ḥadramī* заменяется на *mahrī* — «махриец».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как можно проследить, в процессе определения себя и другого в одну и ту же лексему при использовании ее разными пользователями может вкладываться разное значение. Так, слово *yamanī* в устах жителей Северного Йемена означает и жителя Йемена как политического образования, и человека, принадлежащего к определенной этнической общности. При этом для южан, использующих в отношении себя слово *yamanī*, это чаще всего именно политоним, который обозначает только гражданскую принадлежность и сосуществует с локальными самоназваниями, отражающими региональную и племенную идентичность.

В самоназваниях важную роль играет обозначение территории, на которой они проживают (*yamanī*, *janūbī*, *mahrī*, *ḥadramī*). В свою очередь, рассмотренные пейоративы опираются на попытку высмеять, принизив интеллектуальные способности оппонента (*daḥbāshī*) или его происхождение, а также политические связи и лояльность. При этом в ходе наблюдения замечено, что в качестве пейоративных обозначений редко используются слова с религиозным подтекстом.

Политическая ситуация в Йемене часто представляется в упрощенном виде (Kendall 2018: 80). Основное внимание направлено на конфликт между Севером и Югом, что вытесняет из объема процессы, протекающие за пределами Саны и Адена. Анализ разнообразия этнонимов и политонимов помогает исследователю удержаться перед соблазном обобщения, который неизбежно возникает при исследовании локальных идентичностей.

¹ В начале 1960-х гг. на территории Южной Аравии существовала Федерация Южной Аравии (ФЮА), которая была создана британцами в качестве первого шага на пути к предоставлению независимости и куда вошла Аденская колония, а также эмираты и султанаты к западу от Хадрамаута. В свою очередь, Махра и хадрамайские султанаты ал-Касири и ал-Ку'айти были объединены в Протекторат Южной Аравии, который, как предполагалось, тоже получит независимость, но отдельно от ФЮА, а не как часть Федерации. Однако в 1967 г. территории Протектората были присоединены к Южному Йемену со столицей в Адене (Walker 2015: 54).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Боков Т. А. Несчастливая Аравия: йеменский эпикризис // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. / отв. ред. В. Н. Колотов. СПб.: НП-Принт, 2017. С. 639–673.
- Матвеев И. А., Серебров С. Н., Хлебников А. Л. Модели постконфликтного урегулирования на примере арабских стран // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 3 (5). С. 56–75.
- Родионов М. А. Демоны слов на краю Аравии. Общество и стихотворство Хадрамаута. СПб.: Наука, 2009.
- Родионов М. А. Культурная память и мерная речь на Юге Аравии: Хадрамаут. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Суворов М. Н. Аль-‘Урр и Самар чествуют гостей. Праздничная поэзия из Йафи‘ (Йемен). СПб.: Фонд восточных культур, 2003.
- Augustin A.-L. A. Rumours, Fears and Solidarity in Fieldwork in Times of Political Turmoil on the Verge of War in Southern Yemen // *Journal of Contemporary Social Science*. 2018. P. 1–13. doi: 10.1080/21582041.2017.1418523.
- Bonnefoy L. Reversals of Fortune: The Islah Party in Post-Salih Yemen // *Yemen and the Search for Stability. Power, Politics and Society after the Arab Spring* / ed. by Marie-Christine Heinze. London, New York: I.B. Tauris, 2018. P. 184–203. doi: 10.5040/9781350989887.0006.
- Boxberger L. On the Edge of Empire: Hadhramawt, Emigration, and the Indian Ocean, 1880s–1930s. Albany: State University of New York Press, 2002.
- Brehony N. The Role of the PDRY in Forming a South Yemeni Identity // *Why Yemen Matters: A Society in Transition* / ed. by Helen Lackner. London: Saqi in Association with London Middle East Institute; SOAS and British-Yemeni Society, 2014.
- Dahlgren S. Contesting Realities: The Public Sphere and Morality in Southern Yemen. New York: Syracuse University Press, 2010.
- Dresch P. A Daily Plebiscite: Nation and State in Yemen // *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*. 1993. No. 67. P. 67–77.
- Dresch P. A History of Modern Yemen. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Halliday F. Revolution and Foreign Policy: the Case of South Yemen. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Kendall E. The Mobilization of Yemen’s Eastern Tribes: Al-Mahra’s Self-Organization Mode // *Yemen and the Search for Stability. Power, Politics and Society after the Arab Spring* / ed. by Marie-Christine Heinze. London, 2018. P. 71–92. doi: 10.5040/9781350989887.ch-003.
- Kommer O., Liccardo S., Nowak O. Comparative Approaches to Ethnonyms: The Case of the Persians // *Hungarian Historical Review*. 2018. No. 7 (1). P. 18–56.
- Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages // *The Meaning of Meaning* / eds. C. K. Ogden and I. A. Richards. London: Kegan Paul, Trench and Trubner, 1923. P. 296–336.
- Manşūr A. Māḍī ta‘nī kalimat ja‘arabī? // *Hunā ‘Adan*, 13.05.2018. URL: <https://hunaaden.com/art19844.html> (дата обращения: 20.11.2021).
- Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S., Wang X. *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press, 2016.
- Al-Qādirī M. Ḥatta lā nazall laghāligha fī San‘ā’ wa daḥābisha fī ‘Adan // *Hunā ‘Adan*, 14.06.2019. URL: <https://hunaaden.com/art20683.html> (дата обращения: 20.11.2021).
- Rodionov M. A. Contemporary Tribal Versions of Local History in Ḥaḍramawt // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2011. Vol. 40. P. 333–338.
- Salisbury P. *Yemen’s Southern Powder Keg*. London: Chatham House; The Royal Institute of International Affairs, 2018.
- Szombathy Z. Genealogy in Medieval Muslim Societies // *Studia Islamica*. 2002. No. 95. P. 5–35.
- Walker I. Hadrami Identities in Saudi Arabia // *Rebuilding Yemen: Political, Economic and Social Challenges* / eds. N. Brehony and S. Al-Sarhan. Berlin: Gerlach Press, 2015. P. 42–60. doi: 10.2307/j.ctt1df4hh0.
- Willis J. M. Making Yemen Indian: Rewriting the Boundaries of Imperial Arabia // *International Journal of Middle East Studies*. Feb. 2009. Vol. 41, no. 1. P. 23–38.

REFERENCES

- Augustin A.-L. A. Rumours, Fears and Solidarity in Fieldwork in Times of Political Turmoil on the Verge of War in Southern Yemen. *Journal of Contemporary Social Science*, 2018, pp. 1–13. doi: 10.1080/21582041.2017.1418523.

Bokov T. A. Neschastnaia Aravia: iemenskii epikriz [Unfortunate Arabia: A Yemeni Epicrisis] *Evrasiiskaia duga nestabil'nosti i problemy regional'noi bezopasnosti ot Vostochnoi Azii do Severnoi Afriki: itogi 2016 goda* [Eurasian Arc of Instability and Regional Security Problems from East Asia to North Africa: Results of 2016]. St. Petersburg: NP-Print Publ., 2017, pp. 639–673. (In Russian)

Bonnefoy L. Reversals of Fortune: The Islah Party in Post-Salih Yemen. *Yemen and the Search for Stability. Power, Politics and Society after the Arab Spring*. Ed. by Marie-Christine Heinze. London/New York: I.B. Tauris, 2018, pp. 184–203. doi: 10.5040/9781350989887.0006.

Boxberger L. *On the Edge of Empire: Hadhramawt, Emigration, and the Indian Ocean, 1880s–1930s*. Albany: State University of New York Press, 2002.

Brehony N. The Role of the PDRY in Forming a South Yemeni Identity. *Why Yemen Matters: A Society in Transition*. Ed. by Helen Lackner. London: Saqi in Association with London Middle East Institute; SOAS and British-Yemeni Society, 2014.

Dahlgren S. *Contesting Realities: The Public Sphere and Morality in Southern Yemen*. New York: Syracuse University Press, 2010.

Dresch P. A Daily Plebiscite: Nation and State in Yemen. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, 1993, no. 67, pp. 67–77.

Dresch P. *A History of Modern Yemen*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Halliday F. *Revolution and Foreign Policy: the Case of South Yemen*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Kendall E. The Mobilization of Yemen's Eastern Tribes: Al-Mahra's Self-Organization Mode. *Yemen and the Search for Stability. Power, Politics and Society after the Arab Spring*. London, 2018, pp. 71–92. doi: 10.5040/9781350989887.ch-003.

Kommer O., Liccardo S., Nowak O. Comparative Approaches to Ethnonyms: The Case of the Persians. *Hungarian Historical Review*, 2018, no. 7 (1), pp. 18–56.

Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages. *The Meaning of Meaning*. London: Kegan Paul, Trench and Trubner Publ., 1923, pp. 296–336.

Manšūr A. Māḍī ta' nī kalimat ja' arabī? *Hunā 'Adan*, 13.05.2018. Available at: <https://hunaaden.com/art19844.html> (accessed: 20.11.2021). (In Arabic)

Matveev I. A., Serebrov S. N., Khlebnikov A. L. Modeli postkonfliktnogo uregulirovaniia na primere arab-skikh stran [Models of Post-Conflict Settlement on the Example of Arab Countries]. *Russia & World: Scientific Dialogue*, 2022, no. 3 (5), pp. 56–75. (In Russian)

Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S., Wang X. *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press, 2016.

Al-Qādirī M. Ḥatta lā nazall laghāligha fī San'ā' wa dahābisha fī 'Adan *Hunā 'Adan*, 14.06.2019. Available at: <https://hunaaden.com/art20683.html> (accessed: 20.11.2021). (In Arabic)

Rodionov M. A. *Demony slov na kraiu Aravii. Obshchestvo i stikhotvorstvo Hadramauta* [Demons of Words on the Edge of Arabia. Society and Poetry of Hadhramaut]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009. (Kunstkamera Petropolitana) (In Russian)

Rodionov M. A. Contemporary Tribal Versions of Local History in Ḥadramawt. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*, 2011, vol. 40, pp. 333–338.

Rodionov M. A. *Kul'turnaia pamiat' i mernaia rech' na Iuge Aravii: Hadramaut* [Cultural Memory and Rhythmical Speech of the South Arabia: Hadhramaut]. St. Petersburg: MAE RAN, 2014. (Kunstkamera Petropolitana) (In Russian)

Salisbury P. *Yemen's Southern Powder Keg*. London: Chatham House, The Royal Institute of International Affairs, 2018.

Suvorov M. N. *Al-'Urr i Samar chestvuiut gostei. Prazdnichnaia poeziia iz Yafi' (Yemen)* [Al-'Urr and Samar are Honoring the Guests. Holiday Poetry from Yafi' (Yemen)]. St. Petersburg: Fond vostochnykh kul'tur Publ., 2003. (In Russian)

Szombathy Z. Genealogy in Medieval Muslim Societies. *Studia Islamica*. 2002, no. 95, pp. 5–35.

Walker I. Hadrami Identities in Saudi Arabia. *Rebuilding Yemen: Political, Economic and Social Challenges*. Berlin: Gerlach Press, 2015, pp. 42–60. doi: 10.2307/j.ctt1df4hh0.

Willis J. M. Making Yemen Indian: Rewriting the Boundaries of Imperial Arabia. *International Journal of Middle East Studies*, Feb., 2009, vol. 41, no. 1, pp. 23–38.

Submitted: 22.03.2023

Accepted: 09.06.2023

Published: 10.07.2023